

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-364-378

Научная статья / Research article

Консоциональная демократия в Ливане: современные вызовы и перспективы развития

А.А. Керимов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены ключевые проблемы организации и функционирования конфессиональной политической системы Ливанской Республики в настоящий период. Исследование выполнено в русле компаративистского подхода и по своему существу представляет собой сравнение ливанских реалий с идеальным типом консоциональной демократии с целью выявления страновых особенностей и поиска путей преодоления растущей нестабильности. В качестве главного аналитического инструмента используется концепция консоциональной демократии А. Лейпхарта. На основе анализа формирования и развития консоциональной системы Ливана определены ее исторические корни, а также сильные и слабые стороны. Рассматриваются внутренние и внешние причины ливанских политических кризисов, оцениваются возможные пути эволюции политического режима страны, включая перспективы трансформации консоциональной демократии в общегражданскую. Применительно к Ливану термины «консоционализм» и «политический конфессионализм» используются в качестве синонимов.

Ключевые слова: Ливан, политический конфессионализм, консоционализм, консоциональная демократия, общественная демократия, глубоко разделенные общества, религиозные общины, религиозные сегменты

Для цитирования: Керимов А.А. Консоциональная демократия в Ливане: современные вызовы и перспективы развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 364–378. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-364-378

Consociational Democracy in Lebanon: Modern Challenges and Development Prospects

A.A. Kerimov

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article explores some key problems of the organization and operation of the Lebanese confessional political system. The study is carried out within the framework of the comparative approach and, in essence, is a comparison of the Lebanese realities with the ideal type

© Керимов А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

of consociational democracy in order to identify country specific features and find ways to overcome the growing instability. Arend Lijphart's consociational theory is used as the main analytical tool. Based on the analysis of the formation and development of the Lebanese consociational system, the study identifies its historical roots, as well as its strengths and weaknesses. The article examines the internal and external causes of the Lebanese political crises and assesses the possible ways of evolution of the country's political regime, including the prospects for the transformation of consociational democracy into a civil one. When applied to Lebanon, the terms "consociationalism" and "political confessionalism" are used as synonyms.

Keywords: Lebanon, political confessionalism, consociationalism, consociational democracy, deeply divided societies, religious communities, religious segments

For citation: Kerimov, A.A. (2021). Consociational democracy in Lebanon: Modern challenges and development prospects. *RUDN Journal of Political Science*, 23(3), 364–378. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-364-378

Введение

На протяжении нескольких десятилетий второй половины XX в. консоционализм как система аккомодации перманентно возникающих, порой весьма напряженных межсегментных политических конфликтов в глубоко разделенных обществах в целом успешно функционировал в некоторых государствах Европы.

В западном мире консоционализм был в полной мере реализован в Ливанской Республике, где, заметим, со всей очевидностью проявилось его сущностное, трудно разрешимое противоречие. Являясь всеобъемлющей системой политической коммуникации, которая гарантирует как определенные формальные институциональные механизмы, так и дополняющие их неформальные процедуры и практики, консоционализм одновременно способствует политизации и институционализации групповых идентичностей, что становится препятствием для надлежащего функционирования государства. Данное противоречие стало предметом постоянного внимания отечественных и зарубежных ученых. В частности, многие проблемы политического развития разделенных обществ были проанализированы в монографии «Метаморфозы разделенных обществ» [Метаморфозы разделенных... 2020]. Среди новейших публикаций, посвященных именно ливанской форме консоционализма, следует отметить работы, вошедшие в специальный выпуск журнала «Национализм и этническая политика» [Nagle, Clancy 2019; Bogaards 2019; Baumann 2019], а также труды А.В. Сарабьева [Сарабьев 2019].

Исследовательский вопрос настоящей статьи можно сформулировать следующим образом: существуют ли на данном этапе политического развития Ливана реальные предпосылки к трансформации системы, базирующейся на конфессиональном представительстве, в систему, опирающуюся на общегражданскую идентичность?

Для ответа на этот вопрос ставятся следующие задачи:

1) изучить становление и развитие консоциализма в Ливане, который в данном конкретном случае воплощается в политическом конфессионализме – особом способе организации публичной власти, предполагающем ее пропорциональное распределение между этнорелигиозными сегментами;

2) проанализировать формально-юридические основания ливанского консоциализма;

3) осмыслить современное состояние консоциальной демократии Ливана, ее преимущества и недостатки;

4) определить возможные пути эволюции политического режима страны.

В качестве основного аналитического инструмента в статье использована концепция консоциальной (в русскоязычных исследованиях нередко именуемой общественной) демократии. Она была сформулирована А. Лейпхартом и наиболее полно изложена в его монографии «Демократия в многосоставных обществах» [Лейпхарт 1997] 1977 г.¹ Как отмечал сам автор, разработанная им теория являлась усовершенствованием и дополнением классической типологии политических систем Г. Алмонда [Almond 1956], в которой не нашлось места для некоторых малых европейских демократий.

Главную причину сохранения демократических режимов в условиях политизации межсегментного размежевания Лейпхарт видит в сотрудничестве различных элитных групп, являющихся выразителями воли своих сегментов, что и позволяет преодолевать субкультурные противоречия низового уровня. Институционально и функционально данное сотрудничество реализуется в следующем:

– наличие во власти так называемой большой коалиции, а также предоставление всем этнокультурным группам права взаимного вето при принятии политических решений, затрагивающих их интересы;

– следование принципу пропорциональности при назначении на государственные должности и дистрибуции средств госбюджета между сегментами;

– гарантирование каждой группе высокой степени независимости в управлении своими внутренними делами [Лейпхарт 1997:60–88].

Вышеперечисленные формы зачастую дополняются частными, кулуарными и неинституционализированными практиками взаимодействия².

¹ В русском переводе монография была опубликована в 1997 г.

² Наряду с упомянутыми факторами Лейпхарт выделяет и дополнительные, которые, хоть и не являются непременным условием успеха консоциальной демократии, благоприятно влияют на ее развитие. Среди них: примерное равенство сегментов как в демографическом, так и социально-экономическом и политическом плане, их немногочисленность (от 3 до 4), существование внешней угрозы, способствующей внутренней консолидации, небольшое население и размер территории страны, традиции урегулирования на уровне элит, а также надсегментные ориентации – общие ценностные категории, разделяемые всеми или, по меньшей мере, большей частью граждан многосоставного государства [Лейпхарт 1997:89–140].

Как писал сам Лейпхарт, смысл консоциализма – «не в устранении и не в ослаблении различий между сегментами, а в открытом признании их и превращении в конструктивные элементы стабильной демократии» [Лейпхарт 1997:78].

Несмотря на наличие более ранних работ [Lorwin 1971; Lehmbruch 1969; Lewis 1965], именно Лейпхарт создал наиболее целостную и универсальную теорию, предложив определение консоциализма, выделив его основные отличительные черты и обозначив возможные пути эволюции системы.

Становление консоциальной системы в Ливане

Ливанская Республика представляет собой один из немногих примеров относительно стабильного функционирования консоциальной демократии в незападном обществе.

В настоящий момент количество граждан, согласно оценкам частного ливанского статистического агентства Information International, составляет 5,5 млн человек. Из них христиане-марониты насчитывают 934 тыс., греко-православные – 329 тыс., последователи мелькитской греко-католической церкви – 213 тыс., сиро-яковитской православной церкви – 21 тыс., сирийской католической церкви – 13 тыс., халдейской православной и католической церквей – 3 тыс., православные армяне – 94 тыс., армяне-католики – 22 тыс., протестанты различных направлений – 20 тыс., представители других ветвей христианства – 33 тыс. Таким образом, общее количество христиан достигает 1,68 млн человек. Что касается мусульман Ливана, то их численность колеблется в районе 3,81 млн. Они, в свою очередь, подразделяются на следующие группы: шииты (1,74 млн), сунниты (1,72 млн), друзы (295 тыс.) и алавиты (55 тыс.). При этом из 5,5 млн граждан лишь 4,2 млн человек постоянно проживают в Ливане³. Последняя официальная перепись населения проводилась в 1932 г.

Помимо самих ливанцев на территории страны, по оценкам агентств ООН, находятся порядка 500 тыс. палестинских⁴ и 1 млн сирийских беженцев⁵. Правительство Ливана считает последнюю цифру заниженной. Реальное количество сирийских граждан и их потомков в Ливане составляет от 1,5 до 1,6 млн человек⁶. При этом ни сирийцы, ни палестинцы не имеют права голоса.

³ Lebanese: 5.5 million people // The Monthly by Information International. 27.07.2019. (In Arabic). URL: https://monthlymagazine.com/ar-article-desc_4858_ (accessed: 01.04.2020).

⁴ Where We Work. Lebanon // UNRWA. URL: <https://www.unrwa.org/where-we-work/lebanon> (accessed: 02.04.2020).

⁵ Refugee Situations. Total Registered Refugees // UNCHR Operational Portal. URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/syria/location/71> (accessed: 02.04.2020).

⁶ Aoun: Lebanon Does not Need Exceptional Assistance, But Rather to Recover Part of its Spending on Displaced Syrians // RT. 08.02.2020. (In Arabic). URL: https://arabic.rt.com/middle_east/1084040- (accessed: 03.04.2020).

Вековая практика взаимодействия этнорелигиозных сегментов, каждый из которых существовал, по сути, автономно, являясь замкнутым сообществом со своими культурными традициями, жизненным укладом, мировоззрением и внешнеполитическими ориентирами, выражалась как в конфликтных столкновениях между группами, так и в их сотрудничестве. Однако эта практика не находила своего политико-институционального оформления вплоть до середины XIX в. В 1861 г. Османская империя под давлением французского экспедиционного корпуса установила полуавтономный режим для Горного Ливана. Он предусматривал управление этой территорией пашой-христианином неарабского происхождения, назначаемым султаном. При паше функционировал выборный совет из 12 представителей наиболее многочисленных ливанских религиозных общин – суннитской, шиитской, друзской, маронитской, православной и греко-католической. При этом большинство в совете принадлежало христианам (7 к 5)⁷.

Следующий этап развития ливанской политической системы начался в 1926 г., когда страна была провозглашена подмандатной Франции республикой со своей конституцией и однопалатным парламентом. Преимущество в руководящих органах опять же было отдано христианам, которые составляли 52% населения [Кузнецов 2017:17]. Основной закон 1926 г. с рядом существенных поправок остается в силе до сих пор.

Наконец, самым важным фактором, способствовавшим окончательному становлению консоциализма в Ливане, была борьба за независимость, объединившая крупнейшие религиозные группы. Взаимопонимание между маронитской, суннитской и шиитской элитами было наиболее полно отражено в неписаном Национальном пакте 1943 г., зарезервировавшем государственные должности за представителями тех или иных конфессий. Порядок их распределения зависел от численности сегмента согласно переписи 1932 г. Пост президента закреплялся за выходцем из маронитской среды, премьер-министра – за суннитом, а главы Палаты депутатов – за шиитом. Заместителями председателя Совета министров и спикера парламента становились православные. Место командующего ливанской армией отводилось маронитам, а начальника генштаба – друзам. Другие должности в органах власти, прежде всего в законодательном собрании, распределялись в пропорции 6 к 5 в пользу христиан. Муниципальные служащие избирались без соблюдения принципов религиозного квотирования [Balanche 2012:149].

На основе Национального пакта в Конституцию были внесены поправки. Примечательно, что они не предусматривали закрепление властных постов за той или иной группой. Религиозное квотирование оговаривалось лишь в

---

⁷ Режиму полуавтономии предшествовала система миллетов. Османские султаны, управляя невероятно разнообразной в этническом и религиозном отношении империей, полагались на местные феодальные элиты. Лидеры конфессиональных общин (так называемых миллетов) обладали широкими административными полномочиями [Кузнецов 2017:14].

общем виде и утверждалось как временный шаг⁸. Конфессиональная принадлежность депутатов не упоминалась в Конституции, а определялась отдельным избирательным законом.

По мнению ряда исследователей [Лейпхарт 1997; Khalaf 1987; Kliot 1987; Koury 1976; Hudson 1976; Horowitz 2000], неоправданно жесткое цементирование межсегментных расколов в ливанской политической системе стало одним из главных факторов кровопролитной гражданской войны (1975–1990). К тому же система оказалась слишком инертной к происходившим с момента обретения Ливаном независимости демографическим изменениям (постоянному росту численности мусульман).

Ф. Трабулси считает, что неудовлетворенность мусульман доминированием христианской части населения в политике дополнялась недовольством социально-экономическим неравенством сегментов. Так, в 1973 г. доля христианских предпринимателей в коммерции и торговле достигала 75,5%, в промышленности – 67,5%, в банковском секторе – 71%. В то же время мусульмане составляли 75% от всего рабочего класса страны [Traboulsi 2012:163].

Впрочем, было бы ошибочно сводить причины гражданского конфликта исключительно к изъянам ливанской модели консоциализма. Как справедливо отмечает А.В. Сарабьев, годы войны «приходились как раз на обострение идеологических противостояний в регионе в целом (70-80-е гг.)... Во многом первостепенным обстоятельством дестабилизации ливанской ситуации стали периодические воздействия на страну извне...» [Сарабьев 2019: 93–102]. Среди других факторов, затруднявших нахождение внутреннего политического консенсуса, Сарабьев называет присутствие палестинских боевых организаций в ливанских лагерях беженцев, а также незрелость государственных институтов [Сарабьев 2019:102].

На негативное влияние внешней региональной динамики на внутреннюю ситуацию в Ливане обращают внимание и другие исследователи [El-Khazen 2000; Malik 2000; Seaver 2000]. С утверждением о первоочередной значимости экзогенных факторов в дестабилизации обстановки трудно не согласиться, учитывая, что ливанская система политического консоциализма успешно справлялась с многочисленными эндогенными кризисами как до гражданского конфликта, так и после него.

Таким образом, ливанский консоциализм уходит своими корнями в вековую практику взаимодействия религиозных групп, сложившуюся еще во времена Османской империи. С обретением Ливаном независимости произошла дальнейшая политизация и институционализация субкультурного размежевания, однако данный процесс стал скорее следствием изначально фрагментированной структуры общества. В связи с этим сложно разделить мнение

---

⁸ См. Constitutional Law № 0 of November 9, 1943 Amending Certain Articles of the Lebanese Constitution // Lebanese University. Information and Legal Center. (In Arabic). URL: <http://www.legallaw.ul.edu.lb/LawView.aspx?opt=view&LawID=191985> (accessed: 07.04.2020).

У. Макдиси о том, что ливанский конфессионализм является в большей степени современным политическим конструктом, нежели историческим социально детерминированным феноменом [Makdisi 2000:164–166].

Современное состояние и перспективы развития консоциальной системы Ливана

Окончание гражданской войны ознаменовалось подписанием т.н. Таифских соглашений, или Пакта национального согласия 1989 г. Документ предполагал внесение ряда существенных конституционных поправок, которые были одобрены Палатой депутатов и Советом министров в 1990 г. Основным достижением явилось новое распределение полномочий между президентом и правительством. Если до 1990 г. правительство несло ответственность перед президентом, являвшимся единоличным главой исполнительной власти, то теперь большая часть исполнительных полномочий концентрировалась в руках кабинета⁹. Президент по-прежнему мог издавать декреты о формировании Совета министров, а также об отставке его членов, однако с согласия премьера. Равное представительство христиан и мусульман во власти было реализовано не только за счет перераспределения функций в структуре исполнительных органов, но и путем предоставления обеим общинам одинакового количества мест в парламенте – по 64.

Тем не менее сами принципы консоциализма не претерпели значительных изменений. Власть в стране и сейчас управляется большой коалицией, что выражается как в распределении высших государственных должностей между лидерами сегментов, так и в представленности всех общин в правительстве и Палате депутатов на относительно пропорциональной основе (де-факто, однако, исполнительная власть разделена между представителями трех крупнейших конфессий – маронитской, суннитской и шиитской). Сегментам гарантируется право вето при принятии наиболее важных политических решений, а также автономия в управлении внутренними делами. Автономия эта не носит институционализированный или законодательно оформленный характер¹⁰. На практике она находит свое воплощение в том, что у каждой конфессии есть свои образовательные структуры, социальные, благотворительные и медицинские учреждения¹¹. Более того, в ведении религиозных групп находятся собственные судебные инстанции для урегулирования

⁹ Примечательно, что до 1990 г. конституционные полномочия премьера и правительства вообще не были определены.

¹⁰ В статье 10 Конституции Ливана прописано право религиозных общин иметь свои школы «при условии соблюдения ими общих положений, установленных государством в отношении общественного образования». См.: *Lebanese Constitution // Lebanese Parliament*. URL: <https://www.lp.gov.lb/backoffice/uploads/files/Lebanese%20%20Constitution-%20En.pdf> (accessed: 10.04.2020).

¹¹ На 2010 г. из 3070 учреждений подобного рода в Ливане 1660 являлись негосударственными и управлялись благотворительными организациями, аффилированными с той или иной конфессией [Cammatt, Issar 2010:390].

вопросов личного статуса ввиду отсутствия в Ливане единого закона об актах гражданского состояния. Подобная ситуация характеризуется некоторыми авторами как внутерриториальный, правовой или же квазирелигиозный федерализм в условиях унитарной формы государственного устройства [Calfat 2018:276].

В защиту сохранения консоционального принципа принятия ключевых решений выдвигаются многочисленные доводы. Суть их сводится к тому, что, учитывая столь высокую гетерогенность ливанского общества, существующая система является единственным эффективным способом политической коммуникации [Abdel-Kader 2010]. Несмотря на кризисные явления внешнего и внутреннего порядка, она проявляет поразительную устойчивость и обладает значительным потенциалом самовоспроизводства и восстановления [Salame 1994:102].

Действительно, за последние несколько лет страна пережила ряд серьезных потрясений, связанных с почти трехлетней невозможностью обеспечить большинство в парламенте для избрания президента, постоянными проволочками с формированием правительства из-за разногласий между общинами по поводу распределения министерских портфелей, вторжением радикалов из соседней Сирии и общим ростом региональной конфликтности, но сумела оправиться от них без долгосрочных негативных последствий. Некоторые исследователи также обращают внимание на сохранение демократического характера государства даже в годы интенсификации межсегментных противоречий [Fakhoury 2014:238], а также на способность ливанской консоциональной системы к мирной кооптации новых элит в период после гражданской войны, а именно – шиитской «Хизбаллы» [Calfat 2018:270]. Окончательное признание роли «Хизбаллы» в качестве легальной политической партии ознаменовалось подписанием Дохийских соглашений 2008 г. под патронажем ЛАГ.

Вместе с тем Таифские соглашения отражали глубокое разочарование общества в конфессиональном политическом устройстве, которое, по всей видимости, стало восприниматься самими ливанцами как определяющая причина гражданского конфликта. Именно поэтому в качестве долгосрочной цели конституционных поправок 1990 г. провозглашался курс на его упразднение¹². Статья 95 Конституции предписывает образование национальной комиссии, возглавляемой президентом и состоящей из спикера Палаты депутатов, премьер-министра, выдающихся политиков, мыслителей, интеллектуалов и общественных деятелей, с целью разработки конкретных предложений по ликвидации консоционализма и передачи их в парламент для принятия итогового решения.

---

¹² См.: Constitutional Law № 18 of September 21, 1990 Amending the Constitution in implementation of the Document of National Accord // Lebanese University. Information and Legal Center. (In Arabic). URL: <http://www.legallaw.ul.edu.lb/LawView.aspx?opt=view&LawID=189318> (accessed: 15.04.2020).

Следующим шагом, согласно статье 22, должна стать разработка нового общенационального избирательного закона, не учитывающего сегментарную принадлежность кандидатов, проведение парламентских выборов на общегражданской основе и формирование сената, в который войдут делегаты от религиозных общин. К сфере компетенции последнего должны быть отнесены вопросы, затрагивающие ключевые национальные интересы.

Следует, однако, подчеркнуть, что в самих поправках было заложено существенное противоречие. С одной стороны, конституционные изменения, постулируя упразднение консоциализма как конечную цель, не устанавливали конкретные временные рамки реализации этой цели и не предусматривали «дорожной карты» или каких-либо практических шагов по ее достижению. С другой стороны, утверждая сохранение конфессиональных механизмов распределения власти в качестве переходного этапа на пути к построению общегражданской демократии, они законодательно закрепили их. Как уже отмечалось выше, до 1990 г. резервирование государственных постов за тем или иным сегментом оговаривалось в основном законе лишь в общем виде и являлось скорее устоявшейся традицией, базирующейся на Национальном пакте 1943 г. Отныне же квотирование было гораздо более детально прописано в Конституции. Согласно статье 95, «религиозные общины должны быть представлены в структуре правительства на справедливой основе»; должности первой категории или аналогичного статуса в государственных органах, силовых структурах и военных ведомствах «распределяются поровну между христианами и мусульманами без бронирования какой-либо должности за указанной общиной...» и т.д.¹³

Налицо очевидная двойственность документа, что во многом и определило его неэффективность. Ливанские элиты планировали решить две взаимоисключающие друг друга задачи: сначала добиться равенства христиан и мусульман во властных структурах, законодательно закрепив политический конфессионализм, а затем практически полностью отказаться от него. На практике удалось достичь лишь паритета представительства общин в государственных структурах.

Как представляется, Таифские соглашения сделали «временный» конфессионализм гораздо более постоянным, чем прежде. Национальная комиссия так и не была образована. Квалификация госслужащих при назначении на определенные посты по-прежнему играет ничтожно малую роль в сравнении с принадлежностью кандидатов к тому или иному этноконфессиональному сегменту, соответствующей ему партии и приближенностью к ее лидеру. Более того, со временем принцип распределения квот между правящими элитами был распространен на все уровни государственного управления.

---

¹³ См.: Constitutional Law № 18 of September 21, 1990 Amending the Constitution in implementation of the Document of National Accord // Lebanese University. Information and Legal Center. (In Arabic). URL: <http://www.legallaw.ul.edu.lb/LawView.aspx?opt=view&LawID=189318> (accessed: 15.04.2020).

Избирательный закон 2017 г., который был призван поощрять создание общенациональных, а не общинных политических объединений, также имел противоположный эффект¹⁴. По словам президента Союза демократической молодежи А. Мокдада, «новые правила выборов в парламент осознанно запутаны действующей властью, чтобы ничего в итоге не изменилось. Они должны были дать людям возможность просто голосовать за своих кандидатов... Но они понимают, что на честных выборах кланы потеряют свои позиции и места возьмут коммунисты, либералы и другие оппозиционные силы»¹⁵.

В действительности, «посттаифский» период истории Ливана характеризуется ослаблением демократических принципов и усилением клановых начал в политике. Специфической чертой построенных по этноконфессиональному принципу партий является ярко выраженная иерархическая структура во главе с лидером (структура вождистского типа). Руководство, как правило, принадлежит влиятельной семье, пользующейся разносторонней поддержкой других авторитетных кланов в общине (табл. 1). Широко распространена практика наследования руководящих должностей.

Подобные негативные тенденции обусловлены прежде всего самой природой консоциализма в переходных обществах. Во-первых, наделение лидеров сегментов высокой степенью автономности в управлении своими общинами означает обеспечение их правом практически единолично определять судьбу членов этих общин, что подразумевает клиентализм и, соответственно, подавление индивидуальных свобод. Как отмечает О. Зуректа, «принципиальное признание права ливанцев на существование вне общины является лишь теоретическим. Законодатель не обеспечил их законом, гарантирующим такое существование...»¹⁶. Во-вторых, упор консоциальной демократии на договоренности элит, в том числе неформальные, обусловил выделение политических лидеров этнорелигиозных сегментов в отдельную и разобщенную страту управленцев. В результате государство начинает восприниматься гражданами как структура, противостоящая конфессиональным сообществам, с которыми они себя идентифицируют.

---

¹⁴ Новый избирательный закон, принятый в июне 2017 г., предусматривает голосование на основе пропорциональной (вместо использовавшейся ранее мажоритарной) системы в 15 многомандатных избирательных округах. При этом распределение мандатов по конфессиональному признаку в каждом избирательном округе сохраняется, что обуславливает необходимость составления совместных партийных списков (исторически партийные структуры в Ливане создавались на религиозной основе, а руководство и рядовые члены чаще всего являются единоверцами). Партии договариваются между собой и составляют совместные списки. Избиратель, приходя на участок, отдает два голоса: один – за список целиком, второй – за «фаворита» внутри этого списка. При подсчете голосов мандаты распределяются между списками в процентном соотношении – чем больше голосов набрал список, тем больше представленных в нем кандидатов проходят в парламент. Первыми проходят «фавориты» из победившего списка.

¹⁵ Жители Ливана голосуют на парламентских выборах // РИА Новости. 06.05.2018. URL: <https://ria.ru/20180506/1519974745.html> (дата обращения: 15.04.2020).

¹⁶ Зуректа О.Н. Конституционное развитие и государственные институты Ливана: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02. Москва, 2008. С. 8.

Таблица 1 / Table 1

**Ливанские политические партии и контролирующие их семьи /
Lebanese political parties and families that control them¹⁷**

Партия / Party	Конфессия (преимущественно) / Confession (mostly)	Основатель / Founder	Нынешний лидер / Current leader	Мест в Парламенте / Seats in Parliament
Свободное патриотическое движение / Free Patriotic Movement	Марониты / Maronites	Мишель Аун / Michel Aoun	Джебран Бассиль (зять М. Ауна) / Gebran Bassil (M. Aoun's son-in-law)	24
«Ливанские силы» / Lebanese Forces	Марониты / Maronites	Самир Джааджаа / Samir Geagea	Самир Джааджаа / Samir Geagea	15
Движение «Марада» / Marada Movement	Марониты / Maronites	Сулейман Франжье / Suleiman Frangieh	Сулейман Франжье-младший / Suleiman Frangieh Jr.	3
«Катаиб» (Ливанская фалангистская партия) / Kataeb (Lebanese Phalanges Party)	Марониты / Maronites	Пьер Жмайэль / Pierre Gemayel	Сами Жмайэль / Samy Gemayel	3
«Мустақбал» (Движение за будущее) / Mustaqbal (Future Movement)	Сунниты / Sunnis	Рафик Харири / Rafic Hariri	Саад Харири / Saad Hariri	20
Движение «Азм» / Azm Movement	Сунниты / Sunnis	Наджиб Микати / Najib Mikati	Наджиб Микати / Najib Mikati	4
Арабская партия освобождения / Arab Liberation Party	Сунниты / Sunnis	Омар Караме / Omar Karami	Фейсал Караме / Faisal Karami	2
Прогрессивно-социалистическая партия / Progressive Socialist Party	Друзы / Druze	Камаль Джумблат / Kamal Jumblatt	Валид Джумблат / Walid Jumblatt	9
Ливанская демократическая партия / Lebanese Democratic Party	Друзы / Druze	Тальяль Арслан / Talal Arslan	Тальяль Арслан / Talal Arslan	1
Движение «Амаль» ¹⁸ / Amal Movement	Шииты / Shiites	Муса Садр / Musa al-Sadr	Набих Берри / Nabih Berri	16

Источник: данные, собранные автором.
Source: data collected by the author.

¹⁷ В таблице представлены не все политические силы страны. Отсутствие, например, «Хизбаллы», в основе своей христианской Сирийской социальной национальной партии и армянской «Дашнакцутюн» объясняется тем, что клановость не является их ярко выраженной чертой.

¹⁸ Изначально движение «Амаль» было образовано в противовес клановой системе власти родовой шиитской аристократии. Однако за годы руководства Н. Берри организация трансформировалась в закрытую клановую партию вождистского типа.

В связи с этим логично было бы предположить, что импульс к изменению системы может быть дан самим обществом. В консоциональных демократиях, где представители всех значимых сегментов социума оказываются вовлеченными в политическую борьбу за государственные должности, а принцип «правительство против оппозиции» не может быть реализован ввиду формирования большой коалиции и включения лидеров общин в состав парламента и кабинета министров, избиратели не имеют возможность проголосовать против действующей власти, не голосуя против системы в целом. В этом смысле Ливан не является исключением, о чем свидетельствует падение популярности как традиционных политических партий, так и институтов власти. Согласно социологическому опросу Information International от февраля 2020 г., лишь 46% респондентов поддерживают ведущие политические силы, организованные по конфессиональному признаку¹⁹. По оценкам «Арабского барометра», деятельности правительства доверяют только 19% опрошенных, а законодательного органа – 18%²⁰. Начавшиеся в октябре 2019 г. беспрецедентные по своему масштабу акции протеста, объединившие представителей всех конфессиональных групп, также демонстрируют разочарование населения в действующей политической системе. Протестующие выкрикивали лозунг «Киллун йани киллун» («Все значит все») и несли флаги Ливана с изображением перечеркнутых эмблем традиционных партий. Более того, недовольство многократно усиливается на фоне резкого роста числа бедных. По оценкам Всемирного банка, к апрелю 2020 г. оно достигло 45% населения²¹.

Вне всякого сомнения, единение населения на почве неудовлетворенности политическим устройством страны является одной из причин постепенного формирования надсегментных ориентаций и пересекающихся социальных ролей, что в теории должно привести к преобразованию конфессиональной системы в общегражданскую. Однако на практике религиозное самосознание и общинная идентичность ливанцев по-прежнему оказываются сильнее, чем другие консолидирующие факторы. Согласно данным ранее упомянутого опроса, несмотря на снижение популярности основных политических акторов, политические пристрастия суннитов и шиитов продолжают в значительной степени определять конфессиональные мотивы (43 и 45% соответственно), а для друзей наиболее важным остается лояльность старым семейным кланам (54%). Исключение составляют лишь христиане. В их среде первостепенное внимание уделяется содержанию политической программы (такую позицию занимают 72% маронитов, 70% православных и 50% представителей других

¹⁹ Lebanese Parties Retreat and Fail to Attract New Recruits: Remote Areas Are the Reservoir... Young People Are Moving Away from Public Affairs // An-Nahar Newspaper. 26.02.2020. (In Arabic). URL: <https://newspaper.annahar.com/article/1131116> (accessed: 19.05.2020).

²⁰ Arab Barometer V. Lebanon Country Report 2019 // Arab Barometer. 14.11.2019. URL: <https://www.arabbarometer.org/wp-content/uploads/lebanon-report-Public-Opinion-2019.pdf> (accessed: 20.05.2020).

²¹ Targeting Poor Households in Lebanon // World Bank. 21.04.2020. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/factsheet/2020/04/21/targeting-poor-households-in-lebanon> (accessed: 20.05.2020).

христианских течений). В данном контексте становятся очевидны причины неудачи протестного движения.

Большие надежды возлагались экспертным сообществом на сформированный в 2020 г. кабинет Х. Диаба. Он стал первым в истории Ливана Советом министров, члены которого являются независимыми технократами, формально не входящими в те или иные политические объединения. Однако в конечном счете, по меткому замечанию главного редактора авторитетной ливанской газеты «Аль-Ахбар» И. Амина, кабинет стал «узником правил традиционной политической игры»²² и был вынужден подчиниться логике конфессионализма. Камнем преткновения, выявившим его неспособность противостоять существующей форме властных отношений, явился вопрос о распределении административных должностей в государственных институтах. Попытки Х. Диаба назначить чиновников на основе их специализации и компетенции наткнулись на жесткую оппозицию со стороны ведущих политических партий, поспешивших напомнить о сохранении принципов религиозного квотирования.

Заключение

Можно констатировать, что, несмотря на постоянные настойчивые призывы к отмене конфессионализма, звучащие как со стороны части населения, так и правящих элит, а также постепенное формирование национальной идентичности, ни ливанский народ, ни власть в настоящий момент не проявляют очевидной готовности к изменению сложившейся системы и продолжают ассоциировать себя в большей степени со своими общинами. О двойственности ситуации говорит и неопределенность конституционных положений об упразднении политического конфессионализма.

Следует признать, что ливанская консоциальная система объективно способствует политизации и институционализации религиозных идентичностей, поддерживая субкультурное размежевание. Об этом свидетельствует и неспособность реализовать цели Таифских соглашений 1990 г. Однако, как уже отмечалось, подобная ситуация преимущественно является следствием изначально фрагментированной структуры общества. Более того, вышесказанное отнюдь не означает, что нынешнее политическое устройство оказывается неспособным обеспечить должный уровень стабильности. Консенсусные механизмы, поощряющие в том числе и неформальные договоренности, весьма эффективно функционируют с момента окончания гражданской войны, давая сбой лишь в моменты внешнего вмешательства. В частности, беспрецедентные по своему масштабу акции протеста, начавшиеся в октябре 2019 г., и сопутствующий финансово-экономический кризис во многом обусловлены стремлением США и их союзников «выдавить» «Хезболлу» из

²² Al-Amin I. Operation Order Issued: Financial Support Subject to Closing Borders with Syria // Al-Akhbar Newspaper. 18.05.2020. (In Arabic). URL: <https://www.al-akhbar.com/Politics/288796> (accessed: 08.06.2020).

государственных институтов и снизить ее влияние в стране и регионе на фоне роста напряженности в отношениях Вашингтона и Тегерана.

Вероятно, на нынешнем этапе исторического развития Ливан нуждается не столько в отказе от консоционализма как такового, сколько в осознании элитами общности судьбы сограждан и необходимости нивелировать негативное влияние внешней региональной динамики на внутривосточную обстановку. Возможно ли в условиях столь сложной геостратегической конфигурации региона перестать быть проводниками интересов иностранных держав, сохранив при этом принадлежность в большей степени к определенному локальному сообществу, чем к ливанскому государству в целом? Вопрос этот остается открытым, учитывая, что общинная идентичность и предпочтительная внешнеполитическая ориентация во многом взаимно обуславливают и усиливают друг друга.

Взрыв 4 августа 2020 г. в порту Бейрута, повлекший за собой катастрофические для страны последствия, а также беспрецедентный финансово-экономический кризис, вероятно, дадут толчок к изменению существующей архитектуры власти. Подобные трагические события требуют быстрых действий и делают невозможным сохранение неэффективной системы управления, а острота ситуации легитимирует смелые политические решения элит в глазах населения. В пользу этого, в частности, говорит мощный виток дискуссий о необходимости заключить новый политический пакт с перспективой упразднения консоционализма и перехода к общегражданскому государству или, по крайней мере, существенно реформировать модель управления. Вместе с тем и здесь прослеживается сильная зависимость именно от внешних импульсов, ведь данные дискуссии были инициированы вовсе не местными лидерами, а президентом Франции Э. Макроном в ходе его визитов в Ливан 6 августа и 1 сентября 2020 г.

Поступила в редакцию / Received: 22.01.2021

Принята к публикации / Accepted: 10.05.2021

Библиографический список / References

- Кузнецов А.А. Политический процесс в Ливане на рубеже XX–XXI веков. М.: Институт Ближнего Востока, 2017. 224 с. [Kuznetsov, A.A. (2017). *Political process in Lebanon at the turn of XX–XXI centuries*. Moscow: The Institute of Middle East. (In Russian).]
- Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с. [Lijphart, A. (1997). *Democracy in plural societies: A comparative exploration*. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).]
- Метаморфозы разделенных обществ / под ред. И.В. Кудряшовой, О.Г. Харитоновой. М.: МГИМО-Университет, 2020. 284 с. [Kudryashova, I.V., & Kharitonova, O.G. (Eds.). (2020). *Metamorphoses of divided societies*. Moscow: MGIMO-University. (In Russian).]
- Сарабиев А.В. Ливан: обыкновенная «консоциальная демократия» в региональном контексте // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12. № 4. С. 89–112. DOI: 10.24833/2071-8160-209-4-67-89-112 [Sarabiev, A. (2019). Lebanon: An ordinary “consociational democracy” in the regional context. *MGIMO Review of International Relations*, 12(4), 89–112. DOI: 10.24833/2071-8160-209-4-67-89-112. (In Russian).]

- Abdel-Kader, N. (2010). Multiculturalism and democracy: Lebanon as a case study. *Lebanese National Defense Magazine*, 72. Retrieved April 12, 2020, from <https://www.lebarmy.gov.lb/en/content/multiculturalism-and-democracy-lebanon-case-study>
- Almond, G. (1956). Comparative political systems. *Journal of Politics*, 18(3), 391–409. DOI: 10.2307/2127255
- Balanche, F. (2012). The reconstruction of Lebanon or the racketeering rule. In A. Knudsen, M. Kerr (Eds.), *Lebanon after the Cedar revolution*. London: C. Hurst & Co. Publishers Ltd.
- Baumann, H. (2019). The causes, nature, and effect of the current crisis of Lebanese capitalism. *Nationalism and Ethnic Politics*, 25(1), 61–77. DOI: 10.1080/13537113.2019.1565178
- Bogaards, M. (2019). Formal and informal consociational institutions: A comparison of the national pact and the Taif agreement in Lebanon. *Nationalism and Ethnic Politics*, 25(1), 27–42. DOI: 10.1080/13537113.2019.1565176
- Calfat, N. (2018). The frailties of Lebanese democracy: Outcomes and limits of the confessional framework. *Contexto Internacional*, 40(2), 269–293. DOI: 10.1590/s0102-8529.2018400200002
- Cammett, M., & Issar, S. (2010). Bricks and mortar clientelism: Sectarianism and the logics of welfare allocation in Lebanon. *World Politics*, 62(3), 381–421. DOI: 10.1017/s0043887110000080
- El-Khazen, F. (2000). *The breakdown of the state in Lebanon 1967–1976*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Fakhoury, T. (2014). Debating Lebanon's power-sharing model: An opportunity or an impasse for democratization studies in the Middle East? *The Arab Studies Journal*, 22(1), 230–255.
- Horowitz, D. (2000). *Ethnic groups in conflict*. Berkeley, Calif.: University of California Press.
- Hudson, M. (1976). The Lebanese crisis: The limits of consociational democracy. *Journal of Palestine Studies*, 5(3–4), 109–122. DOI: 10.1525/jps.1976.5.3-4.00p0410r
- Khalaf, S. (1987). *Lebanon's predicament*. New York: Columbia University Press.
- Kliot, N. (1987). The collapse of the Lebanese state. *Middle Eastern Studies*, 23(1), 54–74. DOI: 10.1080/00263208708700688
- Koury, E. (1976). *The crisis in the Lebanese system*. Washington, DC: American Enterprise Institute for Public Policy Research.
- Lehmbruch, G. (1969). *Segmented pluralism and political strategies in continental Europe: Internal and external conditions of "concordant democracy"*. IPSA Round Table. Turin.
- Lewis, W. (1965). *Politics in West Africa*. London: Allen and Unwin.
- Lorwin, V. (1971). Segmented pluralism: Ideological cleavages and political cohesion in the smaller European democracies. *Comparative Politics*, 3(2), 141–175. DOI: 10.2307/421297
- Makdisi, U. (2000). *The culture of sectarianism*. Berkeley, Calif.: University of California Press.
- Malik, H. (2000). *Between Damascus and Jerusalem*. Washington, DC: Washington Institute for Near East Policy.
- Nagle, J., & Clancy, M. (2019). Power-sharing after civil war: Thirty years since Lebanon's Taif agreement. *Nationalism and Ethnic Politics*, 25(1), 1–8. DOI: 10.1080/13537113.2019.1565171
- Salame, G. (Ed.). (1994). *Democracy without democrats? The Renewal of politics in the Muslim World*. London: I.B. Tauris.
- Seaver, B. (2000). The regional sources of power-sharing failure: The case of Lebanon. *Political Science Quarterly*, 115(2), 247–271. DOI: 10.2307/2657902
- Traboulsi, F. (2012). *A history of modern Lebanon*. London: Pluto Press.

Сведения об авторе:

Керимов Арсений Александрович – атташе Посольства Российской Федерации в Ливанской Республике, соискатель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России (e-mail: senura_msk@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0001-5491-7736).

About the author:

Arseny A. Kerimov – Attaché of the Embassy of the Russian Federation in the Lebanese Republic, Applicant at the Department of Comparative Politics, MGIMO University (e-mail: senura_msk@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0001-5491-7736).